

Было то или не было, да только рассказывают, что жили в одной деревне муж да жена, Иван да Марья. Жили ладно да складно, скуки не знали, любили друг друга. Но, как и все люди ссорились, конечно. Вот так все и случилось: собрался как-то раз Иван на ярмарку - на людей посмотреть, себя показать, да кой-какой товар продать. И как уходить ему, слово за слово, не припомнить из-за чего, завязалась у них ссора, да такая, что на прощанье сказал Иван Марье:

-Вот уеду от тебя и вовсе не вернусь. Будешь слёзы без меня лить. - Сказал, да и дверь хлопнул.

Уселся на воз, поехал. Вокруг красота, солнышко тёплое, ветерок весёлый, цветы

цветут – загляденье. А он и не смотрит по сторонам – бурлит в нём гнев-обида, едет, жену ругает. Так ругаячи и доехал до города большого, где ярмарка была. Всё задуманное прошло у него как по маслу, товар разобрали, денег порядочно заработал. От радости вся обида куда подевалась! Пошёл жене подарки покупать. А как стал выбирать, вспоминает любимую, да так и хочется ему обнять её да к себе прижать. И ничего ему уж не любо, не весело, лишь бы домой поскорее вернуться.

Тронулся Иван в обратный путь, да застала его ночь в поле.

Остановился он, костерок разжег, похлёбку варит, Марью вспоминает. Не заметил, как прикорнул. Только вдруг слышит, идёт кто-то. Глядь – старичок-

путник, худенький, сгорбленный, седенький – идёт, посохом постукивает. Приветил его Иван ласковым словом, к огоньку пригласил погреться, отужинать чем Бог послал. Присел старичок. Вроде обыкновенный – много таких бродит по свету, а как в глаза Ивану глянет – так того дрожь пробирает, будто знает старик все дела его, точно насквозь видит.

Не по себе стало мужичку, сторонится глядеть на старика, ан нет, как магнит тянет.

Долго ли просидели они, стал костерок затухать, да небо светлеть. Поднялся наш Иван и говорит:

-Ну, мил человек, суждено нам здесь расстаться-распрощаться – мне домой надобно, а тебя тоже видать дела ждут. -Тут ты прав и не прав, - ответил старичок, - дела

меня ждут, и не мало. А вот, что распрощаться нам придётся – это ты не прав.

Удивился Иван, да виду не показал: - Ну что ж, коли нам по пути, полезай на воз – подвезу.

Уселись и поехали; беспокойно на душе у Ивана – странный попутчик – темнит что-то.

Едут они едут, уж давно бы приехать пора, а родной деревни всё нет да нет. Остановился Иван, чешет голову да говорит сам себе:

-Вроде бы дорога прямая, а не туда ведёт – неужто с пути сбился? Чудно как-то. Надо бы поторопиться – Марьюшка дома волнуется.

Тронулся опять. Старичок дремлет, как

будто и нет его. Вечереет, а дома не видать – всё места незнакомые.

Долго ли, коротко ли, наехал Иван на ветхую хижину, а вокруг нее голое поле непаханое, сплошь усеянное большими валунами. Затормозил Иван, с возу прыгнул, огляделся. Место совсем незнакомое.

-Да когда ж я до дому доберусь, - совсем рассердился он.

-А ты дома уже, - сказал вдруг старичок, слезая вслед за мужиком с воза.

Иван даже дар речи потерял, только рот открыл да на старика смотрит.

А тот семенит к хибаре, дверь ногой подтолкнул, та и упала, только столб пыли взметнула.

-Вот дом твой.

Качает Иван головой:

-Нет, не мой.

-Был не твой – стал твой – не на улице же тебе спать. Помнишь, уезжая, ты жене сказал: «домой не вернусь – будешь плакать горячими слезами». Так вот, я – Слово. Хожу по земле и смотрю, чтобы всё, что говорят люди – исполнялось. А то, знаешь ли, сколько пустомель развелось – тараторят-пустомелят почему зря. Вот я таких наказываю. Жена твоя теперь плачет каждый день, а ты домой не воротишься.

Понял тут Иван, в какую беду попал, упал старику в ноги и давай реветь:

-Помилуй, батюшка Слово, не губи ты нас, прости, что слова беспечно на ветер бросали – вперёд не будем.

Постоял старик, подумал, да и отвечает:

-Ладно, уж, прощу тебя – знаю, что любите вы друг друга, мирно живёте, но чтоб и ей и тебе наука была – будешь трудиться на меня год. И при этом учти – ни одного пустого слова не должен говорить – слово день прибавляет, а потом отпущу тебя.

Обрадовался мужик:

-Говори, старичок, что делать.

Видишь поле – на следующий год тут должна пшеница расти; видишь хижину – через год добротный дом возведи. А пока прощай, да помни мой наказ. Молвил так старичок и исчез. А Иван, время даром не теряя, принялся за дело. Хорошо работа

идёт – мужицкие руки дело своё знают. Валуны катает – пот утирает, деревья рубит – стариков наказ поминает. Мало-помалу минул год.

Вернулся старичок, выходит к нему Иван:

-Принимай, дедушка работу.

Огляделся старик, смотрит – дом стоит справный, красивый да надёжный, рядом поле, а на нём золотыми волнами пшеница качается. - Ну, Иван, - улыбнулся старик, - молодец - и с работой справился, и слова понапрасну не сказал. Ну что ж, и награда будет подобающая. Сказал так, да и хлопнул в ладоши. Тут у Ивана в глазах потемнело, голова закружилась, почудилось

ему, что падает он куда-то. Очнулся – глядь, лежит он в поле, над ним небо звёздное, рядом воз его стоит, а сам он около костерка лежит. Поднялся Иван, и думает:

-Неужто привиделось мне всё это?

Забеспокоился он, не стал утра дожидаться, поехал домой. И вот, как светать стало, привела его дорога в родную деревню. Вот и хата его, хоть и старенькая, но дорогая сердцу. И оконце горит – значит, ждёт его жёнушка.

Слез Иван с воза, шагу не успел ступить, бежит ему на встречу его Марьюшка – глаза заплаканные, но счастливые. Бросается на шею мужу, а слёзы так и капают.

-Ох, прости меня, друг сердечный, что понапрасну тебя рассердила да заставила тебя слово пустое молвить. Весь год я, тебя ждавши, проплакала.

Понял Иван тогда, что не привиделся ему старичок. Повинился и он перед женой.

А как повернулись они к дому, то так и застыли от изумления вместо их избушки стоит дом добротный, а за изгородью поле пшеничное колосится.